

ВОЛКОВ Г. К. — во ВЦИК

ВОЛКОВ Глеб Константинович. Офицер царской армии, в 1914 — на фронте в чине прапорщика, с октября 1918 — в Белой армии. В декабре 1918 — арестован в Казанской губ., удалось бежать из-под ареста. До 1922 — воевал в армии Колчака, затем выехал за границу, проживал в Харбине. В сентябре 1924 — обратился с заявлением во ВЦИК.

<28 сентября 1923>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Гражданина Глеба
Константиновича ВОЛКОВА

ПРОШЕНИЕ

В декабре 1918 года по ложному доносу я был обвинен в контрреволюционной деятельности, за что мне грозил расстрел. Благодаря условиям революционного времени и тому, что личность моя (как бывшего офицера-прапорщика) делала это обвинение вероятным, я не считал достаточной защитой лишь свое убеждение в моей невинности и бежал из дому с места моего постоянного жительства (г<ород> Ядрин Казанской губ<ернии>). Ошибочность обвинения была со временем выяснена властями, но я уже не мог быть поставлен в известность относительно этого. Я в октябре 1918 г<ода> на Волго-Бугульминской ж<елезной> д<ороге> был, как офицер, задержан белыми и направлен в часть. С этого момента и до осени 1922 г<ода> я находился в рядах белых. В начале 1923 г<ода> я прибыл в Харбин, где сейчас и проживаю. Пребывание в Харбине избавило меня от давления военной дисциплины, от соприкосновения с тенденциозно настроенной средой и дало возможность живого общения с людьми из России (совершенно новой для меня России, о существовании которой я и не подозревал). Я стал получать письма с родины. Получил известие, что власти убедились в ошибочности обвинения, предъявленного мне в 1918 г<оду>. Избавившись от какого-то гипноза последних лет, я увидел, что на том ложном пути, который я оставил, меня удерживала какая-то инерция, сообщавшаяся от окружавшей массы, и полная неосведомленность или, что еще хуже, злостное искажение властей о происходящем в России. Сейчас я пришел к оценке своего поведения последних лет, как поведения преступно-ошибочного по отношению к народу и власти, ведущей его новыми путями. У меня появилось стремление загладить свои ошибки честной работой и жизнью на родине в строгих рамках законности. Я прошу о прощении мне невольных ошибок и проступков, на которые меня толкнула не злая воля, а несчастное стечение обстоятельств, от меня не зависевших, и о разрешении вернуться мне в Москву или на место жительства в г<ород> Ядрин Казанской губ<ернии>, где я обязуюсь немедленно явиться к надлежащим властям. Нравственное право ждать положительного разрешения моей просьбы дает мне то, что мое прошлое не запятнано ни службой в контрразведке, ни отдачей распоряжений о расстрелах или порках, или проведением таковых в исполнение, а также участием в карательных экспедициях или отрядах, или других подобных преступных деяниях. До подачи сего прошения я зарегистрировался у Особоуполномоченного в Особом районе Восточных провинций Китая и возбудил ходатайство о восстановлении утраченных мною прав гражданства, заполнив соответствующие анкеты.

Прилагаю: «) Развернутую копию выписки из протокола заседанию Бюро Ядранского у<ездного> ком<итет>а РКП (б) Чувашской автономной области от 28 июля за № 31; 2) Заверенную копию с копии справки ответственного Секретаря Богородицкого у<ездного> ком<итет>а РКП (б) от 18 июля 1923 года.

Г. Волков (подпись)

28 сентября 1923 года.

г<ород> Харбин, Телинская ул<ица>, 120»¹.

В январе 1924 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью Константин Васильевич Волков, отец Григория Константиновича.

<2 января 1924>

«Екатерина Павловна!

Вся душа переполнена благодарностью к Вам за помощь в деле возвращения моего сына. Я и моя жена, Клавдия Владимировна, измучились за эти бесконечные 5 лет за его судьбу, и теперь в Москве решается основной вопрос нашей жизни, так как не хватает уже сил жить с такой тяжестью на душе. И это — тем более, что бегство моего сына и его логические последствия в своей основе лишены какой бы то ни было политической окраски. Если Вы читали его и мое прошение, то я пишу совершенно откровенно — там нет ни капли "спасительной" лжи или тактических умолчаний.

Я всю жизнь — 26 лет — служил не правительствам, а народу, за что в 1907 г<оду> попал в тюрьму, а в 1918 г<оду> очутился перед угрозой расстрела, спасением от которых я обязан только счастливой случайности. Никакой хозяин не наказывает свою лошадь до подрыва ее сил. Мучительная боль за сына также подрывает мою работоспособность, а каждый год моей хирургической работы дает Советской России вместо 800 калек — 800 здоровых работников.

Я как сейчас вижу Ваше лицо и Ваши глаза и мне так хорошо чувствовать, что это именно Вам я обязан своей благодарностью за участие в моем сыне.

Благодарю Вас от всей нашей семьи.

Уважающий Вас
врач К. Волков.

Р. S. В мае собираюсь в Москву на хирургический съезд и надеюсь увидеть Вас. Мой адрес:

Гор<од> Ядрин Чувашской автоном<ной> обл<асти>. Глазная и хирургическая лечебница. Врачу Конст<антину> Вас<ильевичу> Волкову»².

В конце письма — две пометы заведующего и секретаря юридического отдела:

«Волков Глеб Конст<антинович>. Заявление отца и копия его личн<ого> заявл<ения> подана Калинин и 29/XI пересл<аны> в ГПУ.

Просьба разр<ешить> вернуться. Был в Сиб<ирской> бел<ой> арм<ии>».

«Амнистирован О<тделом> Ч<астных> А<мнистий> ЦИКа. Сын врача из Казани, кот<орый> лечил Льва Ник<олаевича>³ и Ал<ексея> Макс<имовича>⁴ в 1901-902 г<одах>».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 54. Машинопись, подпись — автограф.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 39. С. 51-52. Автограф.

³ Лев Николаевич Толстой.

⁴ Алексей Максимович Горький.

*В углу прошения Глеба Константиновича Волкова — помета рукой
Е. П. Пешковой:
«Удовлетворено. Приехал домой. Е.П.».*